

КТО Я?

Dante Our

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Dante OUR

Кто Я?..

<https://litres.ru/74082524>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Кто Я?..» — это мрачная и психологически напряжённая история о природе тьмы, жестокости и человечности, разворачивающаяся в мире, где правят Охотники.

Ан Минхо с детства знал, что система не на его стороне. Преданный отцом, непонятый сверстниками, он рос с ощущением, что справедливость — это фикция, а единственный, кому можно доверять, — таинственный голос в его голове.

Когда интриги и заговоры Охотников приведут к невозможной потере, Минхо придётся сделать последний выбор: остаться чудовищем, которым его сделал этот мир, или принести себя в жертву, чтобы наконец получить ответ на вопрос, мучивший его всю жизнь.

Это жёсткая драма о взрослении и травме на фоне непрекращающейся бойни, где единственный способ выжить — стать монстром.

Предупреждение: история содержит сцены психологического и физического насилия, исследует природу травмы, жестокости и их последствия, и не является пропагандой насильственных действий.

Содержание

Запись первая

4

Запись вторая

12

Dante OUR

Кто Я?..

Запись первая

Вопросы без ответов

Кто я?

Я задаю себе этот вопрос, сколько помню себя.

Кто Я? Для чего появился на свет? Моё предназначение?

Каковы мои цели?

Очень много вопросов, на которые никто не даёт мне ответов.

Самое раннее, что я помню: конец 2002 года. Мне пять лет. Я нахожусь в Доме Гильдейского Потомства — Чанё-вон. Повздорил с мальчишкой из моей группы, уже не вспомню из-за чего. Помню только, что он назвал меня отщепенцем. Это слово кольнуло меня. Задело за живое. Рука сама сжалась в кулак и метнулась вперёд. Удар пришёлся прямо сопляку в нос. Хруст. И сразу же — кровь. Алая. Красивый цвет. Она залила всё его лицо. Капала на чистый кафельный пол.

Воспитатели сразу сбежались на его крик. Их голоса сли-

лись в тревожный гул: охи, ахи, вздохи. Их руки тянулись к тому мальчишке, вытирали кровь, прижимали тампоны к носу, успокаивали. Никто не взглянул на меня. Никто не задал мне вопрос. Ни один из них. Абсолютно все принялись жалеть его, а меня ругать. Обвинения сыпались на меня, заставляя съёживаться.

— Как ты мог?

— Дикарь!

— Немедленно извинись!

«За что?» — промелькнула мысль в голове. Я ведь защищал свою честь. Я был оскорблён, и обидчик получил по заслугам. Это казалось мне логичным. Правильным. Но их искажённые непониманием и осуждением лица говорили об обратном. Их интересовал только разбитый нос того маленького ублюдка. Мои мотивы. Мои обиды. Они никому не нужны. Я был для них пустым местом.

Родителей вызвали на Совет.

Я знал, что это такое — специальное собрание за закрытыми дверями, где решали судьбу провинившихся. Я ждал в пустом коридоре, прислонившись лбом к холодной стене напротив. Пришли только моя мама — Ан Сона. Отец, Ан Санхёль, не пришёл. До меня доносились обрывки фраз, которые бросал заведующая. Голос мамы звучал тихо. Её отчитывали так, будто это она врезала тому выродку.

Когда мама вышла, я увидел её бледное от усталости лицо.

Она молча взяла меня за руку. Её пальцы были холодными. Мы молча пошли домой. Лучше бы она ругала меня. Потому что от молчания я нервничал куда больше. Лишь на полпути она сказала, глядя прямо перед собой:

— Минхо... Лучше бы обошёлся словами. Кулаки — выбор слабого духом.

Я ничего не ответил. А что я мог сказать против этой несправедливости? Я не чувствовал вины. Внутри было только острое чувство обиды. Чувство, что тот соплик получил гораздо меньше, чем того заслуживал.

По дороге домой мы встретили отца. Он шёл нам на встречу, его шаги были чёткими и быстрыми. Увидев нас, он замедлил ход, рот приоткрылся, чтобы что-то сказать. Но мама сделала вид, что не заметила его, чуть прибавив шаг. Я опустил глаза и сделал тоже самое. Отец стал причиной моей второй, ещё более горькой обиды в тот день. Он не пришёл. Не заступился за меня. Я чувствовал его взгляд на спине, пока мы не свернули за угол.

Вечером я лежал в кровати и смотрел в потолок, по которому ползли тени от фонаря за окном. Я снова и снова прокручивал в голове тот момент. Удар, хруст, лица воспитателей. Был ли я прав? Да. Я уверен в этом. Но почему тогда всё пошло не так? Почему жалели того пацана, а не меня? Может, потому что ему была нужна помощь? Но разве я не заслужил хоть толику сочувствия и понимания? Новые во-

просы...

И снова — ни одного ответа.

В голове чётко сформировалась мысль: «Система». Им всё равно. Им не нужно вникать. Раз их не волнует всё это, то и я не буду ломать голову. Это решение принесло странное облегчение. Я повернулся на бок и закрыл глаза, пытаюсь заснуть под шум лёгкого ветра за окном.

Следующее моё воспоминание относится уже к моим шести годам. 2003 год. Школ Нефритового Клинка. Средняя школа по качеству обучения. Не самая лучшая в моём родном городе Кисане, но и не самая худшая. Так мне сказала мама, когда мы покупали школьную форму. Тёмно-синий китель с нефритовой пуговицей у воротника. Ужасный воротник. До сих пор помню, как он натирал мне шею.

В первый день я стоял у двери первого курса и чувствовал на себя множество взглядов. В группе было тридцать детей, считая меня, и я был единственным новеньким. Они все уже были знакомы друг с другом. Сидели, сбившись в кучки, перешёптывались, перебрасывались записками. Возможно, они были из одного Дома Гильдейского Потомства.

Мне было неинтересно это выяснять.

Их лица, казались подозрительно похожими — одинаково оживлёнными, одинаково чужими. Никто из них не внушал мне доверия. И моё предчувствие не обмануло.

Спустя несколько дней, на перерыве, когда я подошёл к учительнице спросить о задании, кто-то сильно толкнул ме-

ня в спину. Я едва удержал равновесие. Обернувшись, я увидел его — Хан Вачжина. Он был крупнее большинства наших одноклассников, с толстым, непропорциональным подбородком. Он пытался сделать вид, что это было случайно, разводя руками в наигранном недоумении. Но его ухмылка, кривая и самодовольная, которая не смогла спрятаться на его мерзкой роже, всё выдала.

До боли знакомая ярость закипела во мне. Когда он повернулся ко мне спиной, я без раздумий сделал шаг вперёд, схватил его за воротник и потянул на себя. Хотел, чтобы он упал. А потом без особых усилий добил бы его. Но он не упал. Развернулся с неожиданной проворностью, и его толстая рука потянулась к моей шее. Резкий запах пота ударил в нос. Я инстинктивно вывернулся, ударил его по руке, сделал подножку и толкнул в сторону доски.

У доски снизу была приколочена металлическая плашка для мела. Вачжин ударился об неё щекой. Затем закричал. На его щеке красовался кровавый порез. Крови было не так много, как тогда, в Чанё-воне, но было достаточно.

Достаточно для того, чтобы за этим инцидентом последовала знакомая суэта.

Снова вызвали родителей. Снова отец не пришёл. Снова мама, бледная, со сжатыми губами, слушала о том, какой её сын плохой. Мама Вачжина тоже пришла. Она была удивительно маленькой и хрупкой, в сравнении с рядом стоящим сыном. «Как у такой женщины родился такой кабан?» —

пронеслось у меня в голове. Но больше, меня удивило её поведение. Она не кричала, не возмущалась. Просто тихо подошла ко мне, опустила на корточки, чтобы быть на одном уровне, и спросила спокойным, усталым голосом:

— Почему ты так поступил?

Я молчал. Уже не имело значения, что я скажу. Мой поступок был фактом.

Их фактом.

Мама извинилась друг перед другом за поведение своих детей. Наставник смотрел на меня с нескрываемым раздражением. Дети в классе перешёптывались, бросая косые взгляды в мою сторону.

Изгой.

И снова, уже в который раз, всплыли те же вопросы: «За что?», «Почему я?». Но к ним прибавился ещё более важный: «Почему за несправедливость по отношению ко мне, остаюсь виноватым я?».

В тот вечер я сделал вывод.

В том возрасте он казался мне правильным.

Если система всегда принимает сторону того, кто громче кричит или выглядит более пострадавшим, если сопротивление только усугубляет вину, то, может быть, не сопротивляться? Может, стоит принять эти правила?

Проверка теории не заставила себя ждать.

Через неделю в школу приехал передвижной зоопарк. Детей и их родителей рассадили в общем холле. Воздух пропах животными. Рядом со мной, к моему удивлению, сидел отец. Он молча уставился кудо-то перед собой.

Я пытался наблюдать за животными: обезьянкой в красной жилетке; попугаем, повторяющим бессмысленные слова; крокодилом, которому пасть замотали скотчем. Но моё внимание рассеивалось. Мальчишка, сидевший прямо перед мной, что-то оживлённо обсуждал со своим соседом. И вдруг, тот обратился к нему, явно коверкая имя:

— Эй, Рамён, смотри!

Нелепое прозвище, как название лапши. Я фыркнул. И этого хватило.

Мальчишка резко обернулся. Его лицо исказилось от мгновенной злости.

— Надо мной смеёшься? — Прошипел он. Его глаза сузились. — Я тебе челюсть выбью, урод!

Я, инстинктивно, повернулся к отцу. Ждал, что он что-то скажет. Хоть слово. Хоть окрик. Хотя бы взгляд... Он ведь должен был защитить. Он же сидит рядом и точно слышал.

Но отец не шелохнулся. Он не отвёл взгляда от сцены с дрессировщиком, его лицо оставалось абсолютно каменным.

В тот момент внутри что-то надломилось. Я помню это чувство. Сковывающая обида разлилась по всему телу, достигнув сердца. Я понял. Я был совершенно один. На этого человека, что звался моим отцом, нельзя было положить-

ся. Он не станет защищать меня. К сожалению, я потратил слишком много лет, чтобы понять, насколько этот человек чужой для меня.

Я медленно перевёл взгляд обратно на мальчишку. Смотрел на него уже не со страхом или гневом, а с холодным безразличием. Он что-то ещё бормотал, тыча в мою сторону пальцем, но я пропустил мимо ушей.

После этого он гнобил меня каждый день. Колкие слова, подножки, украденный из сумки завтрак. Я не реагировал. Никто не вмешивался. Система молчала. А я принимал это как факт, наблюдая за всем вокруг.

А когда наступило лето, школа опустела. И гнёт временно отступил, оставив после себя лишь тишину.

Вопросы...

Их стало больше, и к ним никто не искал ответов. Всем было плевать на меня. Никто не хотел помочь, защитить, предостеречь. Все просто наблюдали за тем, как я медленно и неотвратимо становлюсь монстром.

Запись вторая

Тот, кто наблюдал за мной

Перемены пришли в 2004 году.

Мы переехали из тесной квартиры в Кисане, в небольшой дом на окраине города. Но главным событием для меня стало то, что в нём было — это Лорд.

Немецкая овчарка. Он лежал на потёртом коврикe у ко-нуры, прикованный цепью к толстому железному пруту, ко-гда я впервые увидел его. Лорд поднял голову, и я увидел его взгляд. Карие, умные глаза, в которых не было и капли рабской покорности. Он спокойно наблюдал за мной, пока я стоял, замерев на пороге. Родители в это время что-то об-суждали.

— Оставим. Для мальчика он будет полезен. — Сказала мама. Отец молча кивнул, его взгляд скользнул по псу без особого интереса.

Сначала я боялся его. Мне было всего семь, а пёс казал-ся мне гигантом. Его холка была мне почти по грудь, а лапы были размером с мою руку. Цепь, пристёгнутая к ошейни-ку, звякала при каждом движении. Но по тому, как он вилял хвостом, едва услышав мои шаги, казалось, он её просто не

замечает.

Мы привыкали друг к другу постепенно. Сперва я осторожно протягивал руку, позволяя обнюхать. Потом таскал еду с кухни. Через неделю я уже сидел на корточках рядом с его конурой, читая вслух какую-то книгу, а он лежал, положив тяжёлую голову мне на колени, и слушал. Его дыхание было глубоким и ровным. Когда Лорд был рядом, внутри меня утихала вечная, тревожная какофония вопросов. Мне не нужны были другие друзья. Самый преданный из всех ждал меня дома. Я знал, что он никогда не обидит и всегда будет рядом.

С того момента, как я сблизился с Лордом, понял: собака — это лучшее создание в мире. В её верности нет обмана. В её преданности нет скрытых условий. Она любит не за что-то, а вопреки. И ничего не просит взамен. Только такую же простую и безоговорочную преданность.

Но родителей это беспокоило. Точнее только маму. А если ещё точнее, то её раздражало, что я не стремлюсь к «нормальному» общению. Что не бегу гулять на улицу с другими детьми, а сразу иду к Лорду.

— Ты должен общаться со сверстниками, — говорила мама, устало протирая лицо ладонями после долгой смены. Она и отец работали Охотниками, часто были на выездах.

— Не хочу! — Был мой неизменный ответ.

Этот аргумент не имел для неё веса. Он был ребяческим, а значит — несерьёзным.

Мне всё время велели «выйти на воздух». Приходилось брать велосипед — старый, с потёртым седлом — и просто кататься по нашей длинной, ухабистой улице от одного конца до другого. Туда-обратно. Монотонный ритм, свист ветра в ушах, пыль из-под колёс. Это была не прогулка, а отбывание наказания.

В один из таких дней, возвращаясь к дому, я увидел отца. Он выходил из калитки, что-то поправляя на рубашке. Я хотел подъехать, спросить, куда он собрался. И в этот момент навстречу мне вышли двое мальчишек. Один — примерно моего роста и возраста, с дерзко вздёрнутым подбородком. Второй был мельче, младше, года на два, копия первого, только в миниатюре.

Я прижался к краю дороги, чтобы не задеть их. Но когда я поравнялся со старшим, он, даже не изменив выражение лица, резко и сильно толкнул меня в плечо. Всё произошло слишком быстро. Я вылетел с велосипеда, инстинктивно закрывая голову руками. Проехался по грубой, шершавой дороге всем телом. Кожа сильно ободралась на руках и ногах. Почувствовал жгучую, пульсирующую боль в содранных до мяса местах.

Первое, что я увидел, подняв голову, — их лица. Они смеялись. Искренне, от души. Младший даже притопывал от восторга. Они смеялись даже когда уходили. Злость. Всё, что я мог испытывать в тот момент — злость. Но, невольно, мой взгляд метнулся в сторону калитки.

Отец стоял там. Он видел. Он всё видел. От начала и до конца. Его руки были в карманах. А лицо не выражало ничего. Ни гнева, ни беспокойства, ни даже простого удивления. Просто смотрел.

В горле встал ком, перекрывающий дыхание. Слёзы хлынули сами. Противные. Предательские. Смешались с грязью на лице. Я встал, поднял велосипед. Колени дрожали, по рукам стекала кровь. Я подкатил велосипед к отцу, остановившись перед ним.

— Чего смотришь? — Мой голос сорвался на крик, хриплый от слёз. — Ты же мой отец... Ты должен защищать меня, если я сам не могу! Почему ты просто стоишь и смотришь?

Он медленно перевёл на меня взгляд. Кроме пустоты в них, я больше ничего не увидел.

— Надо было встать и дать сдачи, — произнёс он ровным, будничным тоном. Развернулся и пошёл прочь, в сторону.

Я стоял на улице, с окровавленными руками и ногами, с велосипедом, который вдруг стал невыносимо тяжёлым. Мысли в голове не то что роились — они бились, как пойманные бабочки в коробке: «Неужели таким должен быть отец?»; «Так у всех?»; «Всем отцам плевать на своих детей?».

Дома никого, кроме меня, не было. Мама на работе, потом должна пойти на учёбу — она пыталась получить повышение. Жаловаться было некому. Я промыл раны под ледяной водой, шипя от боли. Сделал себе перевязки и вышел

во двор. Лорд, как всегда, услышав мои шаги, встал. Я сел рядом с ним. Он обнюхал мои перевязанные бинтами руки, ноги. Ткнулся холодным носом мне в щёку, уловив запах моих слёз. Я смотрел в его глаза и видел в них то, чего не видел в глазах отца: сострадание, обиду за меня. «Неужели собаке я более равнодушен, чем собственному отцу?» — промелькнула мысль.

На следующее утро я не собирался никуда выходить. Пусть родители делают со мной что хотят. Вышел во двор, чтобы поиграть с Лордом. И застыл на месте.

На земле лежала цепь. Пса не было.

Сердце заколотилось так быстро, что я перестал чувствовать его. Паника, острая и слепая, сжала горло. Я смотрел по сторонам, озирая двор — может, он просто спрятался? Нет. Калитка была приоткрыта. Родителей не было дома, уехали на смену ещё затемно.

Я метался по знакомым местам: пустырь за домом, кусты акации у забора соседей, тёмный проулок между гаражами. Мой единственный друг пропал. Я громко кричал, срывая голос:

— Лорд! Лорд!

В ответ — лишь шум ветра и гул где-то вдали. Ком в горле рос, слёзы застилали взгляд. Я боялся. Очень сильно боялся, что больше никогда не увижу этих умных карих глаз. Не почувствую тяжёлую голову на коленях. Я безумно испугался, что потерял своего единственного друга навсегда.

И тогда я услышал детский крик, полный ужаса:
— Уйди! Фу! Отстань!

А за ним — низкий, яростный лай, который я всегда узнаю.

Я побежал. Ноги сами понесли меня. Спотыкался о кочки, не чувствовал боли в содранных коленях. Я почти не дышал, в ушах стучала кровь. За поворотом, я увидел их.

Лорд. Он стоял, широко расставив лапы, ощетинившись. Зубы были обнажены, из горла вырывалось рычание. А перед ним, прижавшись спиной к ржавому забору, были те двое — те мальчишки. Лицо старшего побледнело от страха. Младший плакал, уткнувшись в брата. Лорд не нападал. Он лишь не давал им уйти. Не давал сдвинуться с места. Он заставлял их чувствовать тоже, что я почувствовал вчера, — беспомощность. Но его рык был предвестником беды, которая вот-вот может случиться.

Облегчение, хлынувшее на меня, было таким сильным, что на мгновение потемнело в глазах. Он цел. Он жив. С ним всё в порядке. Но внезапно, прямо у меня за спиной, прозвучал голос.

— Пусть он порвёт их. Отгрызёт руки, которыми они толкнули тебя. Пусть вопят от боли. Пусть сдохнут!

Я резко обернулся. Никого. Показалось? Или это были мои мысли? Неважно. Но слова были такими соблазнительными. Я даже представил это на секунду. Хруст, кровь, крики. Справедливость. Они должны получить то, что заслужи-

ли.

Нет!

Если Лорд это сделает... Его пристрелят... Как бешеную собаку... Его навсегда отнимут у меня...

— Лорд! — Позвал я, но голос сорвался. Пёс не отреагировал, всё его внимание было приковано к мальчишкам.

Я сделал шаг вперёд. Ещё один. Медленно. Осторожно.

— Лорд... Друг... Это я... Слышишь? Всё хорошо.

Я приблизился к нему почти вплотную, протянул дрожащую руку. Коснулся шерсти на его загривке. Он вздрогнул, на мгновение прервав рык, и повернул голову. В его взгляде всё ещё бушевала ярость, но я понял, что Лорд узнал меня. Он коротко кивнул хвостом, ткнулся носом в мою ладонь, и снова рявкнул в сторону мальчишек, но уже не так грозно.

— Всё хорошо... — Бормотал я, опуская руку на его ошейник. Потянул. Он сопротивлялся пару секунд, скаля зубы на них, но потом позволил себя увести. Мы пошли прочь, оставив мальчишек у забора. Я не взглянул на них. Был сосредоточен на тёплой шерсти под ладонью, которой гладил Лорда. На ритмичном звуке его шагов рядом.

Он решил защитить меня.

Наказать моих обидчиков.

В отличие от отца.

Вернувшись домой, Лорд лёг и тяжело вздохнул, словно проделал тяжёлую работу. Я пристегнул цепь к его ошейнику и погладил по голове. Он хорошо постарался.

Стук в калитку.

Пёс мгновенно вскочил и залаял. Мне не хотелось открывать, но стучали настойчиво. Пришлось подойти.

— Кто?

Молчание.

— Это мы... — Сказали дрожащим голосом. — На кого лаяла твоя собака.

Любопытство. Тёмное любопытство. Именно оно заставило меня открыть калитку, а не послать пришедших. Иначе я не могу объяснить свой поступок.

Передо мной стояли они. Бледные, испачканные, с опухшими от слёз глазами. Они больше не смеялись надо мной, им больше не было весело. В их глазах я видел лишь страх и вину.

— Меня зовут Ю Гольхён, — представился старший, немного заикаясь. Всё ещё боялся? Затем он кивнул на младшего, который стоял за его спиной. — А это мой младший брат, Ю Исон. Прости нас... За то, что толкнули тебя. И... Спасибо... Что оттащил свою собаку.

Я пытался понять. Найти подвох. Они не производили впечатления, что способны на извинения. Скорее... Усвоили урок через страх. Гольхён переступал с ноги на ногу.

— Давай дружить? — Выпалил он.

— Хорошо. — Я удивился, услышав это слово, произнесённое мной. Оно вылетело против моей воли. Во мне в тот же миг разразилась война двух сторон. Одна, тёмная и хо-

лодная, шипела, что они не заслуживают этого. Другая устала. Устала от одиночества.

Гольхён и Исон с облегчением пробормотали «пока» и почти побежали прочь. Я закрыл калитку и вернулся к Лорду. Он посмотрел на меня с полным недоумением. Я опустился на колени рядом с ним, обнял, прижавшись лицом к его грубой шерсти.

— Не вздумай больше так делать, хорошо? — Прошептал я, глядя ему в глаза. — Понял?

Лорд тихо вздохнул, высунул язык и лизнул мне щёку. Он всё понял. Я точно знал. Он был единственным, кто понимал меня по-настоящему.

Оставшиеся летние дни текли медленно, однообразно. Я просыпался, завтракал, шёл во двор играть с Лордом. Потом приходили Гольхён и Исон, и мы уходили на заброшенную стройку. Прыгали по крышам низких гаражей, слушали, как мнётся ржавый профнастил под ногами, прятались в тёмных подвалах. Вечером я возвращался домой. Снова играл с Лордом, умывался, ужинал, смотрел что-то по телевизору и ложился спать. В этой рутине было какое-то успокоение. Я, как будто, выполнял заложенную в меня программу. Не думал.

Но лето закончилось. Пришлось возвращаться в Школу Нефритового Клинка. Энтузиазма не было, но и прежнее отчаяние тоже пропало. Одиночество больше не было абсолютным. Появилась уверенность, что после уроков я встречу с Гольхёном и Исоном, и мы куда-нибудь пойдём. Но пер-

вый день не мог пройти гладко. На перерыве между уроками ко мне снова прицепился На Мён. Тот самый, с прозвищем «Рамён». Он подошёл ко мне, когда я стоял один у окна, и толкнул плечом.

— Что, ублюдок, опять один?

Старая злость проснулась во мне. Я понимал, что отвечать было бесполезно. Я просто смотрел на него, стараясь держать выражение моего лица равнодушным. Но вдруг сбоку возникла тень. Гольхён. Он молча встал между мной и На Мёном, не говоря ни слова. Он просто уставился на него. Сосунок что-то пробормотал, брезгливо скривился и пошёл прочь. Больше он не осмеливался ко мне подойти.

— Я в его группу перевёлся, — пояснил Гольхён, когда На Мён скрылся за поворотом. — Я с ним поговорю. Будет знать, как себя вести.

Я кивнул. Внутри появилось ощущение защиты. Удивительно. Я рассчитывал получить её от взрослых, а не от такого же, как я.

Первые месяцы учёбы прошли в шатком равновесии. Гольхён начал предлагать сбежать с уроков. Сначала это казалось приключением. Мы заскакивали в маленький магазин, который находился через дорогу, покупали пару пачек солёных сухариков и бутылку газировки. Бродили по улицам. И Гольхён говорил. Обо всём. О глупых учителях, о скучных родителях, о фильмах, которые смотрел. Я в основном молчал, кивал, жевал сухари. Мне это всё казалось странным.

Я бы не назвал наше общение дружбой, как в книгах. Это больше походило на совместное времяпровождение. Но оно было лучше, чем полная изоляция.

Вскоре начались жалобы. Учителя звонили родителям. Вечером были разговоры.

— Почему ты сбегашь? — Спросила мама. Её лицо, как всегда, было бледным от усталости, под глазами — тёмные, чёткие мешки.

В ответ я молчал. Что я мог сказать? Мне скучно? Гольхён позвал? Это не было веской причиной. Для неё важны долг, дисциплина, прилежание.

— Ты должен учиться, — сказала мама. — Я не могу разорваться между работой и слежкой за твоим поведением.

Я снова молчал. Это её раздражало. Моё молчание было для неё стеной. И мама не знала, как сломать её.

Но мои побеги продолжились, и разговоры сменились криком. Даже отцу пришлось вмешаться. Мама заставила его принять участие в моём воспитании. Крики тоже оказались бесполезны, и появились наказания. Отец велел встать на колени посреди гостиной и держать над головой сумку, набитую учебниками. Сначала было легко. Потом руки начинали ныть. Потом — дрожать. Потом — гореть. Мускулы вздрагивали сами по себе. Я смотрел в одну точку на обоях, стиснув зубы. А когда руки падали, не выдержав напряжения, всё начиналось сначала. В какой-то момент слёзы начинали течь из глаз от боли и унижений.

— Только на это и способен! — Кричал я отцу.

За моим криком следовали удары. Хоть отец и бил ладонью, было невероятно больно. Его рука была тяжёлой. Лорд, слышав шум, рвался с цепи, глухо и тревожно лаял.

После нескольких таких вечеров я хотел отказаться от следующего побега.

Спустя несколько дней мы стояли у школы, обсуждая это.

— Не могу, — сказал я Гольхёну, глядя в сторону.

Он усмехнулся. Его улыбка показалась мне какой-то ехидной.

— Зря, — протянул он. — Такое пропустишь...

— Что я могу пропустить? — Я попытался вложить в голос ту же усмешку, но вышло плохо. — Ещё один вечер тренировки рук?

— Нет... — Ответил он и огляделся. Сделал шаг ближе и прошептал. — Гляди, что у меня есть.

Он полез во внутренний карман своей поношенной куртки и достал сигарету. Смятую, чуть надломленную. Держал её осторожно, как тяжело добытый трофей.

— Ты куришь? — Удивился я. Никогда не видел, чтобы он курил.

— Старшие угостили, — ответил он с гордостью от общения к взрослому миру. — Если хочешь попробовать, пошли...

Внутри забушевал знакомый хаос. Две бури. Одна — осторожная, та, что помогала выстаивать на коленях с тяже-

лой сумкой над головой. Другая — тёмная, любопытствующая. Та, что представляла, как Лорд рвёт моих обидчиков на куски. Они столкнулись в борьбе за право выбора. Гольхён смотрел на меня, ждал ответа, улыбка не сходила с его лица. Он был проводником в другой мир, где не было ни наказания, ни давящей тоски.

— Ладно, — ответил я наконец.

Мы снова сбежали с уроков. Отойдя приличное расстояние от школы, к нам присоединился Исон, всегда следующий за братом. Мы направились на наше место на заброшке. Это был полуразрушенный гараж, стены были исписаны грубыми граффити, пол усыпан битым стеклом и окурками, оставленными кем-то.

Гольхён с церемониальной важностью достал спички. Прикурил сигарету, затянулся. Дым вырвался из его ноздрей струйками. Он делал это слишком естественно, будто далеко не в первый раз. Потом протянул сигарету мне.

— Втягивай дым, а затем резко вдохни, — проинструктировал он.

Я взял её. Бумага была шершавой, фильтр слегка влажным. Я поднёс сигарету к губам, затянулся, как сделал он, и резко вдохнул.

Горло обожгло едкой горечью, я закашлялся. Мир на секунду поплыл. Гольхён и Исон рассмеялись, глядя на меня. Не злорадно, а как-то облегчённо. Я разделил эту глупость вместе с ними. Голова вдруг стала лёгкой и пустой. Мой ма-

ленький, личный бунт, который никто не видел.

Мы просидели там, передавая сигарету по кругу, пока от неё не остался лишь крошечный, обжигающий пальцы, окурок.

Возвращались мы уже затемно. Дорога шла через узкую аллею между высокими домами. Мы шли, толкаясь плечами, и я всё ещё чувствовал во рту противный привкус табака.

Из-за угла резко выбежал мужчина. Он появился так внезапно, что мы едва успели отпрыгнуть в сторону. Мужчина был лысый, в рваной, грязной одежде. На его блестящей от пота коже черепа, был тёмный рубец — запёкшаяся кровь. Он пробежал мимо, не взглянув на нас, грубо оттолкнув, чтобы расчистить себе путь. В нос ударила вонь от него. Мужчина исчез в темноте следующего переулка так же внезапно, как и появился.

Мы замерли, уставившись в пустоту, где он скрылся.

— Мы вчера фильм смотрели... — Тихо, после паузы, сказал Гольхён. — Там тоже пацаны вот так вот шли, и мимо них пробежал избитый мужик, толкнув их. Потом у них появились силы.

— Силы? — Спросил я. Я представил, как реальность смешивается с киношной картинкой.

— Ну... Суперсилы. Один там огнём управлять начал, другой ветром. Пробудились, короче.

Я вспомнил несколько фильмов, которые смотрел по телевизору. Яркие, громкие истории об Охотниках. О том, как

обычные люди в один миг становились сильнее, обретали мощь, и больше никогда не позволяли ставить себя на колени.

— И что? У нас теперь тоже есть силы? — Мой голос прозвучал серьёзно, почти деловито.

— Ну, проверь. Попробуй управлять ветром.

Я задумался на секунду. Представил, каково это. Решительно махнул рукой снизу вверх, приказывая ветру подняться.

И в тот же миг сорвался порыв ветра, закружив в воздухе сухие листья. Он был сильным, неожиданным.

Конечно, это было совпадение. День был ветреным. Но мой детский, впечатлительный мозг, сдобренный лёгким никотиновым головокружением, не искал причинно-следственных связей. Он видел факты. Я махнул рукой — ветер ответил.

Мы дошли до развилки. попрощались. Гольхён и Исон свернули к себе, а я пошёл прямо. Оставшийся путь я проделал в каком-то странном состоянии. В голове было множество мыслей, они путались. Но в центре была всего одна, кристально ясная: «Теперь у меня есть сила? Теперь меня никто не посмеет обидеть?». Я представлял, как останавливаю На Мёна взглядом. Как отец замирает на месте, не в силах поднять на меня руку. Как мы с Лордом, настоящие Охотники, шагаем по улицам, и все расступаются.

Погружённый в фантазии, я не заметил, как дошёл до до-

ма. Лорд, услышав меня, зашевелился. Он радостно завилял хвостом, потянулся, чтобы встретить меня. Я подошёл, опустился перед ним на корточки, протянул руку, чтобы почесать за ушком. Он потянулся носом, обнюхивая, и вдруг резко чихнул. Ещё раз. Отстранился, замотал мордой, фыркая, и сделал шаг назад. Его умные глаза смотрели на меня с лёгким недоумением. Он явно отстранялся от запаха, который я принёс с собой.

— Не нравится? — Тихо спросил я. Меня пронзило острое разочарование. Этот запах, это маленькое изменение во мне — и даже он, самый верный, делает шаг в сторону. — Прости, друг... — Прошептал я, глядя его по холке. — Обещаю, больше не повторится.

Вечером я поужинал в тишине. Родители были погружены в свои мысли. Потом я лёг спать, но заснуть не получалось. Фантазии переплетались с обрывками дневных впечатлений, становясь ярче, реальнее. Я уже почти провалился в сон, где я был всемогущ.

И тогда прозвучал голос.

— Хочешь обладать силой, пацан? А духу хватит?

Я резко открыл глаза. В комнате было темно, только слабый свет фонаря с улицы пробивался сквозь щели в шторах, отбрасывая на стену длинные, искажённые тени.

Я не закричал. Не позвал родителей. Я просто лежал, не в силах пошевелиться, вцепившись пальцами в одеяло, и смотрел в потолок. Вопросы накрыли с головой: «Что со мной?»

